

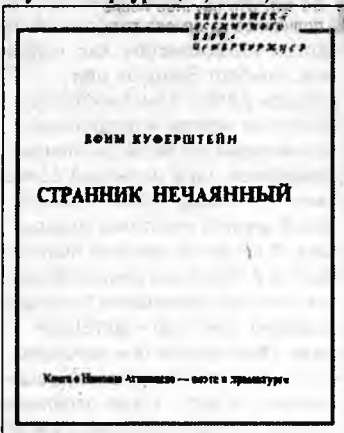
ДВОЕ НЕЧАЯННЫХ СТРАННИКОВ

Первая книга о певце «блистательного Санкт-Петербурга» написана краеведом-экскурсоводом

Независимая газета, 1998, 12 марта, с. 13

Ольга Кушлина

Ефим Куферштейн. Странник нечаянный. Книга о Николае Агнивцеве — поэте и драматурге. — СПб.: Библиотека Всемирного клуба петербуржцев, 1997.

УДИВИТЕЛЬНА все же судьба Николая Агнивцева, певца «блистательного Санкт-Петербурга»! Он родился в 1888 году в Москве, умер в 1932-м — тоже в Москве; в детстве и отрочестве жил в Благовещенске и Владивостоке, в юности писал стихи на самые разнообразные «экзотические» темы; из голодного Петрограда уехал с театром на гастроли — перемещаясь сначала на юг (Киев), потом на восток (Тифлис), еще один рыжок на восток (Константинополь) — и поэт уже обнаружил себя на Западе, в эмиграции. Вернувшийся в годы нэпа репатриант привез четыре изданные книги — «Санкт-Петербург» (Тифлис, 1921), «Блистательный Санкт-Петербург» (Берлин, 1923), «Мои песенки» (Берлин, 1921) и «Пьесы» (Берлин, 1923). В Москве в 1926 году вышел последний сборник избранного, подпорченный оглядкой на цензуру и удручающе-нелепым названием (тоже

Вышедшее в начале 1998 года исследование Куферштейна — первая книга о Николае Агнивцеве, попытка творческой биографии, построенная на малоизвестных, в том числе архивных, материалах. Наиболее подробно и документированно выстроена вторая часть исследования, где рассказывается о деятельности Агнивцева в качестве создателя и сценариста театра-кабаре «Би-ба-бо» (впоследствии «Кривой Джимми»). Много любопытной информации содержит глава «Агнивцев и музыка»: памятная старшему поколению песенка «Дымок от папиросы» — совместный «продукт» Агнивцева и Дунаевского и многие другие. В приложении же целиком перепечатан сборник Агнивцева «Мои песенки», выходивший до этого в последний раз в Сан-Пауло в 1960 году.

примета времени) — «От пудры до грузовика». А потом — прочерк, молчание, вплоть до 1990-го, когда в «Библиотеке «Крокодила» — опять в Москве — вышла жалконькая брошюрка его текстов избранного — «Гранитный Барин» (в девичестве — «Блистательный Санкт-Петербург», но Ленинград тогда еще не переименовали). Так что до сих пор, кроме двух малоудачных сборников 1913 и 1914 гг., в любимом своем городе Агнивцев не издавался.

Разумеется, Николай Агнивцев, поэт «эротики и экзотики», а также буржуазного (вариант: божьего) быта был в немилощии в ленинградский период истории; тем охотнее стихи его расходились в машинописных копиях и в устной традиции — благо легко запомнились. Они словно растворились в воздухе города, потускневшего, терявшего год за годом блеск и позолоту, старые названия улиц, да и людей, помнящих эти названия. «Блистательным» Ленинград быть не мог, что называется, «по определению». Таким он оставался только в памяти, а стихи и «песенки» Агнивцева были одним из мнемонических приемов.

*Вы не бывали на канале,
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды тяжелее стали*

*За двести лет бежать устали
И побегут теперь едва ль...
Вы там, наверное, бывали?
Ах, не бывали... Очень жаль.*

Агнивцев все эти годы словно по-прежнему жил на Екатерининском канале, 19, и его нежные триолеты текли по изгибам набережной, повторяя ее ритм.

Благодарное воспоминание юности: в зал Русского фонда Публичной библиотеки принесли мне роскошное Тифлисское издание сборника Агнивцева, оно раскрылось на странице, заложеной шелковой ленточкой, — и возникли перед глазами строки:

*Скажите мне, что может быть
прекрасней Невской перспективы...*

В Москве этого издания не было, заказала книгу в один из приездов в Питер; впрочем, Невского в Москве тоже не было — а здесь он распахивался в широких окнах прямо передо мной, за раскрытыми велевыми страницами...

Слишком красиво — как слишком красиво, до безвкусицы и пошлости, казались и стихи Николая Агнивцева требовательным современникам. «Этот Кузмин на сахарине с маргариновым старым Петербургом», — зло сказал Мандельштам. Рецензенты сокрушались тем, как одаренный поэт расточительно тратит свой виртуозный версификаторский дар на пустяки. Но, видимо,

слишком много было в петербургской литературе мучительной серьезности, уныния, пугающих картин жестокого города, что в начале века возникла потребность в столь легкомысленной и изящной фигуре Николая Агнивцева. Как возникла потребность в веселых театриках-кабаре, где творческий дар Агнивцева расцвел благодатно и привольно. («Приют комедиантов» — один из первых маленьких театров нового, послеперестроечного Петербурга первым вспомнил и автора «Блистательного Санкт-Петербурга» стихи Агнивцева исключительно сценичны, они оживают в актерском исполнении с той же силой, с какой гибнут, скажем, в исполнении любого «чтеца-декламатора» стихи Бродского). Есть в поэзии Агнивцева та доля живительной пошлости, которой всегда — пуше потопы — боялся Петербург и под обаяние которой время от времени попадает любая самая чопорная культура. Именно поэтому профессиональному историку литературы было как-то совестно заниматься творчеством Агнивцева. Его больше любили, чем изучали.

Отсюда еще одна закономерность. Первая книга о поэте, вышедшая наконец в Петербурге, написана не филологом или театроведом, а краеведом-экскурсоводом. Человеком, с упоением читавшим своим слушателям на прогулках по городу строки любимого поэта. Читателю может показаться, что писалась книга об Агнивцеве тоже легко и радостно, на одном дыхании. Но этот труд увидел свет только благодаря подвижнической деятельности матери Ефима Куферштейна, по черновикам и магнитофонным пленкам экскурсий воссоздавшей то, что автор не успел завершить. Ефим Куферштейн трагически погиб на сорок пятом году жизни — в том же возрасте, что и Николай Агнивцев.